

КНЯЖЕСКИЙ НОВГОРОД

Летописец Нестор, приступая к изложению русской истории — «откуда есть пошла Русская земля», — предпослал ей описание географического расположения Руси и путей, связывающих ее с зарубежными странами. Он описывает водный путь «из варяг в греки», соединявший Черное и Балтийское моря, путь по Волге в Каспийское море, путь по Двине в Балтийское море и путь из Балтийского моря в Средиземное и Черное моря, огибающий Европу.

В центре этих водных путей, связывавших Русь с другими странами, стоял Новгород.

Великий путь «из варяг в греки» издавна был густо покрыт поселениями. Здесь в X—XII вв. шла оживленная торговля. Не случайно скандинавы называли древнюю Русь «Гардарикией» — страной городов.

Новгород возник не ранее X в.; но уже в первых упоминаниях летописи он выступает как самый значительный после Киева русский город, соперничающий с Киевом и рано сбрасывающий зависимость от него.

О росте силы и богатства Новгорода можно судить по тому, как необычайно быстро расширяются его владения. В X—XI вв. весь путь по Волхову принадлежит Новгороду. Устье Волхова запирает сильная новгородская крепость и крупный город — Ладога. Новгороду принадлежат берега Невы и Финского залива. В XI и XII вв. Новгород владеет уже всеми берегами Ладоги, землями по Свири, Онежскому озеру. Дальше на север новгородцы распространяют свою власть до Урала. Уже в первой половине XII в. они владеют Терским берегом Белого моря и Заволочьем, а в конце XII в. Печора и Югра платят дань Новгороду.

Новгород настойчиво и отважно борется со Швецией за берега Финского залива; упорно охраняет устье Невы. Новгородцы ведут войны с финским племенем емью в южной части Финляндии. На стороне новгородцев борются карелы. К западу от Чудского озера новгородцы строят в 1030 г. город Юрьев (ныне Тарту). На юге Новгороду принадлежат Старая Руса, Великие Луки, Торжок.

Чем шире становились владения Новгорода, тем больше приливалось богатств на низкие берега полноводного Волхова. На правой стороне Волхова традиционно располагался Торг. Здесь стояли дворы иноземных купцов, здесь жило многочисленное ремесленное население. Один из концов Торговой стороны назывался Плотничьим и был, очевидно, в какой-то мере связан с цеховыми организациями новгородских плотников, искусство которых особенно славилось в древней Руси. Другой конец Торговой стороны назывался Славенским, по имени древнейшего русского племени — словен, населявшего новгородскую землю. На Славне располагались торговые дворы, здесь жили купцы, здесь же при жизни своего отца обосновался Ярослав Мудрый, память о котором до сих пор сохраняется в названии Ярославова Дворища. Здесь, около Двора Ярослава, собиралось новгородское вече, стояли дворы княжеских дружинников — огнищан. Отсюда, от Торга и княжеской резиденции, вел через Волхов на Софийскую сторону Великий мост. Он упирался в Детинец — новгородскую крепость, сперва деревянную, а с 1044 г. — каменную. В Детинце высился храм Софии — Премудрости божией, сначала деревянный «о тринадцати верхах», а затем в 1045 г. отстроенный несколько в стороне от прежнего в камне. Главная улица Детинца — Пискупля — пересекала его с юга на север. Здесь жизнь была ключом, здесь были лавки, мастерские ремесленников, здесь совершались сделки на огромные по тем временам суммы. В Детинце находился двор епископа, позднее — с середины XII в. — населенный многочисленной дворней: чашниками, ключниками, медоварами, владычными молодцами, иконописцами и т. д.

К Детинцу примыкали Гончарный, или Людин, конец, Загородской и Неревский. Концы Новгорода имели местное самоуправление и подчиняли себе отдельные новгородские области.

Каждый из пяти концов Новгорода, как уже говорилось, имел в своем подчинении пятину. На северо-запад между Волховом и Лугой простиралась Вотьская пятина. На северо-восток, справа от Волхова к Белому морю, лежала Обонежская пятина, охватывавшая оба берега Онеги. К юго-востоку, между Мстою и Ловатью, шла пятина Деревская. К юго-западу по обе стороны Шелони находилась Шелоньская пятина. Несколько в стороне от Новгорода, за пятинами Обонежской и Деревской, лежала далеко на восток Бежецкая пятина с административным центром в Бежичах.

В XII в. Новгород был окружен земляным валом, поверх которого шла деревянная стена. Впереди вала находился ров. На значительном расстоянии от Новгорода, опоясывая его, шло кольцо монастырей-форпостов. Укрепления двух самых значительных из них — Антониева и Юрьева — с пристроенными к их соборам сторожевыми башнями — вежами запирали с двух сторон подступы к Новгороду по Волхову.

Городское благоустройство Новгорода оставляло позади себя многие города Западной Европы. Уже в XI в. в Новгороде мостили улицы. На горожанах Новгорода лежали издельные повинности по ремонту Волховского моста и по мощению всего Новгорода — по «уставу Ярослава о мостах». Между тем главная улица Парижа была впервые замощена в 1184 г. В За-

падной Европе вообще первые мостовые появляются лишь в конце XII в. Мостовые Новгорода были деревянными и хорошо сохранились до нашего времени под толстым пластом наросшего над ними «жилого слоя». Улицы Новгорода были узки, но извилистая форма, типичная для средневекового города, не была пресобладающей в Новгороде. Вдоль улиц были проложены желоба и трубы для сточных вод. Ярославово Дворище имело первый в Северной Европе водопровод, по которому в деревянных трубах бежала чистая ключевая вода.

Общественные здания были немногочисленны в Новгороде. Главными общественными зданиями служили церкви. В центральной церкви города — Софии — принимались послы, хранилась богатая казна. На площади у Софии собиралось софийское вече.

Основную массу населения Новгорода составляли ремесленники: ремесла были особенно развиты в древней Руси. Русские мастера владели наиболее совершенными приемами современной им техники. В Западной Европе высоко ценили изделия русских ремесленников. Ученый монах Теофил, перечисляя знаменитые своими ремеслами страны, ставил Русь на второе место после самой культурной страны тогдашней Европы — Византии. Он ставил Русь впереди Англии, Италии и Франции, а на последнем месте помещал Германию.

Особенного развития достигло в Новгороде плотничество. Плотники имели различные специальности: некоторые из них, «огородники», строили городские укрепления — «городьбы», другие рубили дома, третьи настилали мостовые и т. д. Гончары изготовляли простую и поливную (глазированную) посуду, кирпичи, черепицу, детские игрушки. «Учанники» строили учаны — рыболовные суда. Бочечники, ведерники, ковшевики, решеточники, жерновщики, скорняки, лучники, седельники, рожечники, коробейники, дегтяри, портные, мастера, епанечники, сапожники, коневые лекаря, кровопуски, щитники, шильники, котельники, медники, серебряники, мясники, рыбники, калячники, корчмиты и другие призваны были обслуживать многообразные потребности городского населения.

Ремесленники, по-видимому, были объединены в цеховые организации, подобные тем, какие существовали и на Западе. Ремесленники одной специальности жили чаще всего рядом, совместно устраивали пиры — «братчины», совместно выступали на вече и участвовали в городских восстаниях.

В сходные организации были объединены и купцы. Известны артели «поморских купцов», «низовских купцов». Община купцов-вошанников, собиравшаяся при церкви Ивана на Опоках, имела особое торговое управление, состоявшее из трех старост от «житых» людей, двух старост от купцов и тысяцкого от черных людей. В церкви Ивана находились образцовые орудия меры: вошанные скалвы (весы с двумя чашками), медовые пуды (безмены), гривенка рублевая для взвешивания благородных металлов и Ивановский локоть для измерения длины. Здесь сосредоточивался торговый суд — суд тысяцкого, публичный и гласный. Новгородские купцы, находившиеся вне Новгорода, также объединялись в особые колонии: особый новгородский

двор был в центре балтийской торговли на острове Готланде в г. Висби; в Киеве новгородские купцы объединились вокруг божницы святого Михаила и т. д.

Боярство, владевшее колоссальными пространствами земли, также стремилось жить объединениями и занимало иногда целые улицы.

Новгородское вече сходилась на Торгу — у Ярославова Дворища — или на Софийской стороне на площади перед Софией.

Расцвет вечевой деятельности начался в Новгороде значительно раньше, чем в других русских городах, где он падает на вторую половину XI в. Первое сообщение летописи о новгородском вече относится к 1016 г. С этого времени деятельность вече не прекращалась в Новгороде до 1478 г. — года воссоединения Новгорода и Москвы.

Созывал вече посадник, тысяцкий, иногда князь. Сроков созыва не было: по звуку вечевого колокола сходились все, кто считал себя новгородцем. Иногда являлись на вече окрестные жители или представители других городов: Пскова, Ладоги. Вопросы, подлежавшие обсуждению вечем, предлагались посадником, тысяцким или князем. Вече постановляло, избирало, решало споры криком, а иногда и дракой. Драки эти порою принимали характер ожесточенных междоусобий, во время которых весь город «раздирался» настоящими битвами.

* * *

Роль Новгорода в истории русской государственности и в укреплении княжеской власти в первые века ее существования исключительна по своей важности.

Сильная княжеская власть утверждается здесь весьма рано. И летопись и местные предания, связанные с Рюриковым Городищем в Новгороде, помнят о новгородском князе Рюрике, род которого постепенно вытеснил все другие княжеские семьи в городах Руси. Новгородский князь Вещий Олег, собрав войско из новгородских славян, варягов, чуди, мери, веси и кривичей, захватил Киев и превратил его в центр русского государства — «мать городов русских». Отсюда, из Киева, Олег с новгородской и киевской дружинами ходил походом на самый Константинополь, прибив в знак победы свой щит на его воротах. Олег — личность не легендарная, а историческая: его имя и деятельность удостоверены различными документами — русскими и иноземными.

Со времени княжения Олега судьбы Новгорода и Киева тесно связаны. Объединение Киева и Новгорода под общей властью не лишило Новгород его значения опоры княжеской власти, сохранившей самостоятельность действий. Княгиня Ольга ввела, например, в Новгородском крае вместо обычного на юге «полюдья» правильный сбор дани («оброки») посредством доставки ее («повоза») в определенные для этого места («погосты»), где ее принимали княжьи мужи. В Новгороде киевские князья набирают дружину, сюда они обращаются за помощью при неудачах и всегда находят поддержку.

После объединения Новгорода и Киева боевая сила новгородцев отною не ослабевает. Со смертью Святослава в междоусобиях его сыновей побеждает новгородский князь Владимир, сын Святослава, приглашенный в свое время новгородцами. Княжение Владимира — время высшего подъема Киевского государства.

Со смертью Владимира вновь одерживает верх новгородский князь — сын Владимира Ярослав, прозванный позднее Мудрым. Когда Ярослав, потерпев поражение на юге от изменника Святополка и польского короля Болеслава, явился в Новгород и хотел было бежать за море, новгородцы порубили лады Ярослава и заявили ему: «хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком». Новгородцы собрали «от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен» и на собранные средства организовали дружину. С этой дружиной Ярослав изгнал поляков из Киева.

✓ С завоеванием Киева Ярослав перенес в него основы новгородской государственной и гражданской организации. Он перенес в Киев созданную в Новгороде «Русскую Правду». В 1042 г., при Ярославе, сын его, новгородский князь Владимир организует последний поход на Константинополь.

Верховная власть киевского князя в Новгороде продолжалась недолго. XII и XIII вв. проходят по всей Еврспе под знаком борьбы городских общин с феодальными сеньорами. Борьба Новгорода за свою независимость началась очень рано — еще в начале XI в., а уже в первой половине XII в. Новгород добивается вполне независимого самоуправления.

Основы новгородской независимости были заложены при Ярославе Мудром. За самостоятельность Новгорода стояла местная дружина, опиравшаяся на новгородское население. Вместе с тем и сам Ярослав нуждался в том, чтобы сделать Новгород сильным, способным самостоятельно, без помощи Киева, осуществлять свои задачи на Севере Руси: защиту западных границ от нападения соседей и экономическое освоение принадлежащей ему опромной территории.

Во время своих частых пребываний в Новгороде Ярослав именно на этом сосредоточил свои усилия. Он ходил походом на запад от Чудского озера, поставил город Юрьев (ныне Тарту). Он усмирил восстание волхвов на Волге. В 1042 г. сын Ярослава Владимир покорил емь (финнов).

Еще при жизни своего отца Владимира Ярослав, княжа в Новгороде, отказался платить дань Киеву. Готовилось столкновение между Ярославом и Владимиром, предотвращенное смертью Владимира. В 1017 г. за помощь новгородцев в освобождении Киева от изменника Святослава и поляков Ярослав даровал Новгороду особые грамоты — своеобразные «хартии новгородской вольности», — главное юридическое основание всей последующей новгородской независимости. Впоследствии, в течение нескольких столетий, каждый раз, приглашая к себе князей, новгородцы заставляли их приносить присягу «на всех Ярославлих грамотах» и вписали их содержание в начало своих летописей. Лишь когда Новгород был воссоединен с Москвой, москвичи уничтожили Ярославовы грамоты, выдрали изложение их из новгородских летописей, и содержание их осталось неизвестным.

Зависимость от Киева при Ярославе не была, однако, окончательно прервана. Она усилилась в начале XII в. при Владимире Мономахе, восстановившем поколебавшееся положение Киева. В Новгороде княжил старший сын Владимира Мономаха и его первой жены Гиты Гаральдовны, дочери последнего англосаксонского короля Гаральда, Мстислав Владимирович. Это был умный, энергичный и образованнейший князь, оставивший заметные следы в культурной жизни Новгорода.

В 1118 г. Мстислав уехал на юг, оставив княжить в Новгороде своего сына Всеволода. При Всеволоде вновь усилилось сепаратистское движение в Новгороде, приведшее в конце концов к образованию Новгородской вечевой республики.

* * *

Произведения новгородского деревянного зодчества, по-видимому, имевшие наиболее национальные формы, известны нам только по упоминаниям в летописи. В 989 г. первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин, присланный в Новгород Владимиром Святославичем для обращения в христианство местного населения, поставил в конце главной улицы Пискупли дубовый храм Софии — Премудрости божией. По упоминанию в летописи о том, что этот храм был «о 13 верхах», можно предполагать, что он имел типичное для русских деревянных построек пышное завершение.

В 1045 г. недалеко от деревянной Софии, уничтоженной позднее, в 1049 г., пожаром, новгородский князь Владимир Ярославич заложил каменную церковь Софии, ставшую впоследствии главной святыней Новгорода, символом новгородской независимости, средоточием его государственной жизни, хранительницей его богатейшей казны.

Уже в этом первом каменном храме Новгорода воплотились те художественные принципы, которые стали определяющими во всем последующем зодчестве Новгорода, всегда стремившемся к простоте, ясности форм. В противоположность утонченной роскоши соборов Киева или церкви Спаса в Чернигове, София Новгородская воздействует на зрителя главным образом четкостью своих архитектурных пропорций, монументальностью и монолитностью всего здания.

Это суровый в своем величии храм, поражающий лаконизмом форм и прочно найденными соотношениями частей. Мощные стены почти лишены украшений. Белизна стен (они были белыми уже в XII в.) идеально гармонирует с золотом центральной главы (золотой она была уже в 1408 г.).

Собор представляет собою грандиозное прямоугольное здание с тремя алтарными выступами («апсидами») с востока (впоследствии, с устройством новых приделов, число апсид увеличилось). Своды и арки храма, перекрывающие обширное пространство собора, опираются на массивные столбы. Снаружи этим столбам отвечают массивные же «лопатки» (пилястры), выявляющие внутреннюю структуру здания. Кровля Софии покрыта прямо по сводам; она живописно изгибается и выделяет конструкцию храма. В юго-западном углу собора находится башня с широкой винтовой лестницей на

обширные хоры. Над центральной частью собора высится пять куполов. Шестой купол венчает собой лестничную башню. С трех сторон собора были устроены открытые галереи, которые уже в XII в. были заложены и превращены в пристройки.

Еще раньше построения Софии Владимир Ярославич поставил каменные стены Детинца (1044 г.) взамен существовавших до того деревянных. Каков был этот первоначальный каменный Детинец неизвестно, так как современный новгородский кремль относится к значительно более позднему времени. Строительство Владимира Ярославича имело в виду создать сильный архитектурный центр Новгорода. И действительно, построенные при нем Детинец и София стали навсегда центром города, его самой монументальной и характерной частью.

С новым расцветом княжеской власти в Новгороде в начале XII в., при сыне Владимира Мономаха Мстиславе и его внуке Всеволоде, наступает и новый расцвет новгородской архитектуры. Зодчие начала XII в. стремятся уравновесить в городской застройке грандиозные, доминировавшие над городом массы Софии. В 1113 г. на противоположном от Софии берегу, на Ярославовом Дворище, Мстислав ставит высокий пятиглавый¹ Николо-Дворищенский собор. Еще через три года (1116 г.) Мстислав строит собор Антониева монастыря на север от городского вала, вниз по течению Волхова, а спустя вновь три года (в 1119 г.) воздвигается Георгиевский собор Юрьева монастыря — на юг от Новгорода, вверх по течению Волхова ближе к Ильмену.

Все три собора начала XII в. — Николо-Дворищенский, Антониева монастыря и Георгиевский Юрьева монастыря — выстроены в общих им всем единых архитектурных формах. Горизонтальные ряды ниш и окон, которыми ритмично разбиты гладь стен Георгиевского и Николо-Дворищенского соборов, подчеркивают конструктивную ясность соотношений в общие удлиненные кверху пропорции зданий. Хорошо сохранившееся ассиметричное трехглавое здание Георгиевской церкви Юрьева монастыря со стремящимися в высоту мощными стенами является одним из лучших произведений русской архитектуры XII в., далеко отошедшей в Новгороде от византийских прототипов. Имя мастера, ставившего Георгиевский собор, как указывалось, было Петр. Напомним, что ему же, по-видимому, принадлежат и два других собора начала XII в. — Николо-Дворищенский и Антониев.

Соборы Новгорода в начале XII в. были покрыты внутри прекрасной фресковой живописью. Фреска — это письмо водяными красками по сырой еще штукатурке. Высыхая, штукатурка (особым образом подготовленная) входит в прочное соединение с краской и создает исключительную по красоте красочную поверхность. Техника фрески восходит еще к античности (наиболее известны фрески в Помпее). К античности же восходят многие приемы фресковой живописи и отчасти ее формы.

¹ Впоследствии четыре крайние главы собора были снесены, и собор сейчас одноглавый.

Отголоски античной живописи ощущаются во фресках Новгорода. Новгородцы совершенствовали технику фрески, а с другой стороны, менее связанные, чем мастера Византии, с традициями церковного искусства свободнее воспроизводили античные формы.

Новгородские фрески начала XII в. отличаются монументальностью, уравновешенностью частей, яркостью и контрастностью красок. Их главная тема — человеческие фигуры, спокойно поставленные, обращенные en face, с глазами чаще всего прямо устремленными на зрителя, с характерным античным румянцем на щеках, с резко подчеркнутыми, по-античному крупными чертами лица. Ясность и обобщенность композиций позволяют легко обозреть их с большого расстояния. Мастера умело размещали изображения на плоскости стен, учитывая изгибы арок и расстояние, с которого будет обозреваться роспись.

Фрески 1108 г., находившиеся в куполе Софийского собора, уничтожены фашистами. Сохранились лишь в центральном барабане фигуры пророков 1108 г. Фрагмент фрески середины XI в., изображавший царя Константина и царицу Елену, счастливо сохранен работниками новгородских музеев под толстой кирпичной кладкой, которой они заслонили фреску перед занятием Новгорода фашистскими войсками. Изображение Константина и Елены поражает прозрачной легкостью красок, изяществом движения, которым оживлены их лица. Сохранились и другие фрагменты росписей XI, XII и XV вв.

В высоком подцерковье Николо-Дворищенского собора сохранилась часть росписи, иллюстрировавшей рассказ о страданиях Иова. Жена Иова представлена держащей палку с надетым на конец ее котелком, в котором она подает пищу Иову. Ее изображение поражает строгостью форм. Полуобращенное к зрителю лицо жены Иова спокойно. Складки ее одежды напоминают античные каноны.

Фрагменты фресок имеются в Николо-Дворищенском соборе еще на горнем месте. В мае 1944 г. раскрыты орнаментальные фрески в оконных проемах.

Замечательной пластичностью и объемностью форм отличаются остатки фресок 1125 г. в соборе Антониева монастыря. Эти росписи были открыты при ремонте собора в 1898 г. и тогда же испорчены насечками. В 1923, в 1927 и частично в мае 1944 г. удалось раскрыть и реставрировать часть фресок в алтарной части и на столбах. Особенно интересна фигура копающего землю юноши (из композиции «Обретение главы Иоанна Крестителя») с полнокровным, румяным лицом, обрамленным мягкими длинными волосами.

В башне Георгиевского собора Юрьева монастыря сохранились остатки фресковой росписи начала XII в., значительно пострадавшие от фашистского нашествия.

* * *

Сведений о новгородской письменности XI в. очень немного, но то, что известно, свидетельствует о древности и распространенности книжных знаний в различных слоях новгородского населения. По инициативе посадника

Остромира был создан ценнейший и ныне старейший памятник русского языка — знаменитое Остромирово евангелие 1056—1057 гг., поражающее красотой и тщательностью своего исполнения. Ближайшее отношение к книжности имели сын и внук Остромира — Вышата и Ян Вышатич, снабжавшие историческими сведениями нескольких южных летописцев и в Тмутаракани и в Киеве. Новгородским епископом Лукой был составлен древнейший из известных памятников учительной литературы домонгольской Руси — «Поучение к братии». Это поучение написано простым, ясным русским языком: церковнославянизмов в его языке очень мало. Лука учит не мстить, не заниматься «москолудством» (ряжением), не молвить «срамные» слова, ходить в церковь и вести себя в ней смирно. «Чтите стара человека и родителя своя, не кленитися божии именем, ни иною заклинаете, ни проклинайте. Судите по правде, мзды не емлите (взяток не берите), в лихву не дайте (то есть не давайте денег в рост, под проценты), бога ся бойте, князя чтите...» Новгородское летописание, как это установлено А. А. Шахматовым, началось еще в 1017 г., раньше киевского. Именно в 1017 г. в Новгороде была произведена первая историческая запись, задачей которой было сохранение памяти о бурных событиях 1016 г., приведших к установлению тех Ярославовых грамот, которые затем всегда расценивались в Новгороде как законодательно-учредительный акт новгородской независимости. Запись эта рассказывала о том, как новгородцы ночью избили варяжскую дружину Ярослава «в поромоне дворе» за творимые ими насилия, как в свою очередь Ярослав хитростью избил новгородцев в своем пригородном селе Ракоме, как затем Ярослав, получив известия с юга о гибели его братьев Бориса и Глеба от руки сторонников Святополка, «сотвори вече на поли» (в огороженном месте новгородцы не собрались бы, опасаясь нового избиения) и помирился с новгородцами. Новгородцы обещали помощь Ярославу. С этой помощью Ярослав победил Святополка и занял Киев. Но Святополк скрылся «в ляхи», вернулся с поляками и захватил Киев. Ярослав бежал в Новгород «сам-пят». Его мачеха и сестра попали в плен к польскому королю Болеславу. Ярослав хотел бежать и дальше — за море, но новгородцы не пустили Ярослава и сами в патриотическом подъеме организовали борьбу с Святополком и Болеславом. Разбитый Святополк бежал «в печенеги», а Ярослав раздал новгородцам за помощь крупные деньги и знаменитые грамоты, сказав при этом: «по сей грамоте ходите, якоже списав вам, тако же держите».

Эта пространная запись легла в основу новгородских летописей, неоднократно пересоставлявшихся и продолжавшихся в течение XI в. Новгородские летописи не раз были использованы в течение XI в. в летописании киевском. В частности, из новгородской летописи перешло в киевскую и знаменитое предание о трех братьях — князьях — Рюрике, Синеусе и Труворе.

В первой четверти XII в., в конце княжения сына Владимира Мономаха — Мстислава, к новгородским летописям была присоединена киевская летопись — «Повесть временных лет». Сам Мстислав, как и его отец Владимир Мономах, был писателем. Он сделал в новгородской летописи ряд записей

о чудесных северных странах, рассказы о которых слышал он во время поездки в новгородский город Ладогу. Факт этой княжеской записи в летописи исключительно важен: он свидетельствует о том значении, которое придавалось исторической работе в древней Руси: непосредственно сами князья принимали участие в летописании.

Несмотря на то, что писательство составляло в Новгороде занятие самых разнообразных слоев новгородского общества — и светских и церковных, — книжность Новгорода отличается единая, общая ей черта: близость письменного языка к разговорному. Это свидетельствует о большом пути культурного развития, пройденном русским языком в Новгороде в предшествующие эпохи. Благодаря этому, несмотря на обилие нахлынувших в Новгород после его «крещения» произведений церковнославянской письменности, русский литературный язык Новгорода остался чист от церковнославянизмов и сохранил все свои русские особенности.